

СВЕТЛЯЧОК

17.02.2014

№ 2 (35) Февраль 2014 года

- Мы помним вас: к 60-летию со дня рождения

ОДИНОКАЯ ПТИЦА НА ВЕТКЕ

Недавно в мои руки попал альбом, посвященный творчеству безвременно ушедшего из жизни тверского художника Владимира Дмитриева. Об этом человеке, моем земляке, тверские СМИ писали до обидного мало. Мне захотелось восполнить этот пробел.

«ТАЛАНТ ВСЕГДА УЯЗВИМ...»

Мрачноватый, слегка картавящий юноша, с раскачивающейся походкой и крупными жилистыми руками, он походил на обычного работягу. Но это было обманчивое впечатление.

Когда Володя ушел в цех, Соловская мне сказала:

- Дмитриев наш может стать большим художником, если, - она сделала паузу.

- Что «если»? - спросил я.

- Понимаете..., - Соловская закурила папиросу «Беломор». - Талант уязвимая штука. Мало его иметь, нужно правильно им распорядиться.

Этому разговору много лет...

Октябрина Георгиевна Соловская осталась в памяти андреапольцев самобытной личностью. Автор чудесных поделок из местной синей глины, она хорошо разбиралась в классической литературе, пела под гитару русские романсы, выращивала необыкновенно красивые цветы. Культурная жизнь небольшого полувоенного города в 60-е-80-е годы крутилась во многом вокруг нее. А Владимир Дмитриев... Судьба этого одаренного человека по-своему драматична и поучительна. Прежде всего, думается, для молодых художников...

В 1974 году, имея за плечами некоторый опыт модельщика - Дмитриев помогал Соловской на Андреапольском фарфоровом заводе создавать образцы изделий из глины (их затем выпускал цех ширпотрба), он поехал сдавать экзамены в Абрамцевское училище, которое в свое время окончила Соловская. В то время открылось художественное училище в Калинин, и абитуриентам из нашей области давали рекомендацию поступать именно в него. Володя был принят на живописное отделение.

Когда меня перевели работать в Калинин, мы с Дмитриевым иногда пересекались на улице или на художественных выставках. Здоровались, обменивались андреапольскими новостями. Этот период его жизни описан искусствоведам, членом Союза художников РФ Еленой Грачевой в статье, помещенной в её альбоме «Владимир Дмитриев. Живопись. Графика. Керамика. Коллаж», вышедшем в 2011 году. Грачева рассказывает, что педагогом по живописи у Дмитриева был достаточно опытный и одаренный художник Анатолий Васильевич Морозов, и что «его уроки Владимир усваивал глубоко», хотя в первые годы обучения «не выделялся особыми успехами». Грачева рассказывала, что Дмитриев был завсегдаем специализированного зала по искусству областной библиотеки имени Горького, ездил на значительные выставки в Москву. Это помогало ему формироваться как художнику. Внесло свою лепту и пребывание (по рекомендации областной организации Союза художников) на «Академической даче», под Вышним Волочком, хотя эти места для него так и не стали любимыми. Андреаполь, родина - вот что его неизменно манило.

Публичный дебют художника Дмитриева состоялся весной 1976 года на выставке картин молодых художников в зале областной картинной галереи. Спустя год - новая выставка, в зале искусств областной картинной галереи. В экспозиции выставлялись работы наиболее одаренных в живописи студентов старших курсов. Как пишет Елена Грачева, «Дмитриев представил на выставку пейзажный этюд, а также погрудный автопортрет в красной рубашке - произведение вполне традиционное по композиции, несколько небрежное по рисунку. Главное для молодого автора,

(продолжение на стр.2)

(начало на стр. 1).

и это явственно видно, колористическое решение с доминирующим красным цветом». Когда я увидел репродукцию этой работы, то сразу вспомнил, что в молодые годы Володя любил носить красно-бордовую рубашку и красный шарф, чем выделялся среди своих андреапольских сверстников. Кстати, если этот автопортрет художника сохранился, то другой, где он был изображен именно в красном шарфе (он был представлен на молодежной выставке в Доме художника), исчез бесследно.

ПРИТЯЖЕНИЕ ВОЛЬНИЦЫ

И вот учеба завершена. Дмитриеву предлагают остаться на преподавательской работе в родном училище, но он отказывается.

- Я хотел вольницы и, уступив предложенное мне место сокурснице, поехал работать в Оленинский район, - рассказывал он мне во время одной из наших андреапольских встреч. - Тогда во всех районах действовали художественные мастерские, где изготавливалась наглядная агитация - стенды, плакаты, портреты передовиков производства, транспаранты. Я стал работать в такой мастерской. Думалось, у меня будет у много свободного времени, которое посвящу живописи. Но скоро пришло ощущение ненужности того, что я делаю, или, правильнее сказать, неудовлетворенности этим делом, и я уволился....

Теперь известно, что был у Дмитриева и конкретный повод расстаться с Оленинским районом. «Работа в глухом поселке едва не закончилась для Владимира трагически, - пишет в своей статье Елена Грачева, - В драке после выпивки собутыльник разбил о его голову бутылку, стеклом повредило один глаз. По счастью, зрение удалось сохранить, но пришлось долго лечиться. Вскоре закончилось и отбывание срока по распределению, можно было осуществить мечту о дальнейшей учебе в ВУЗе. Однако пагубная привычка к алкоголю помешала и здесь. Проездом из Андреаполя в Москву, в институт им. В.И. Сурикова, Дмитриев остановился в знакомом общежитии КХУ. Решил отметить предстоящее важное событие, начал с одной бутылки и перестал пить только тогда, когда закончились все накопившиеся деньги. Поступление не состоялось, больше попыток он не делал, а взял курс сразу на вступление в Союз художников».

Тот период характерен для Владимира Дмитриева частой сменой мест работы. Художник оформитель на ДСК, в драматическом театре, в мастерских художественного фонда... Один из преподавателей Дмитриева талантливый график Геннадий Ключин (со временем он возглавил областную организацию тверских художников), с которым у меня сложились товарищеские отношения, сокрушался:

- Мечется твой земляк.

Давать какой-либо совет Дмитриеву я остерегся, понимая, что каждая творческая личность живет по своему уставу, но, по-моему, он избрал в 1983 году самое верное решение: на пять лет уехал в Андреаполь, под крыло О.Г. Соловской. По мнению Грачевой, «годы добровольного затворничества принесли щедрый урожай; во многом благодаря им к концу 1980-х годов Дмитриев окончательно сформировался как оригинальный художник, серьезный живописец, созерцатель природы. В его творчестве стали преобладать жанры натюрморта и пейзажа, что и в дальнейшем осталось для него характерно».

РАСКРЫТИЕ ПОТЕНЦИАЛА

В 1988 году Геннадий Петрович Ключин становится руководителем тверских художников, и для возвратившегося в Калинин Дмитриева открылась прямая дорога для вступления в Союз художников СССР. Что ни говори, а благорасположение «первых лиц» в таких случаях значит много. И хотя высокий уровень мастерства Володи был неоспорим, иной начальник мог бы найти аргументы против этого, сославшись на, допустим, не забывшееся еще недругами Дмитриева его пристрастие к алкоголю. Тем более что и сам Владимир умел создавать себе недругов прямою своих суждений. Но Ключин оказался другим - светлая память этому безвременно ушедшему мастеру.

Дмитриев набирал авторитет. Его работы присутствуют на престижных выставках не только в Калинин, но и в Москве, Ленинграде, Владимире. Известнейшие художники Твери В.Ф. Шумилов, Н.А. Комиссаров, А.Ф. Дубов рекомендуют Владимира в Союз художников СССР. В отличие от нынешних смутных времен, состоять в творческом союзе было престижно. Это не только являлось официальным признанием мастерства, но и давало значительные преференции. Володя продолжает работать с удвоенной энергией.

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 1-2).

Николай Дочкин, народный художник РФ, вспоминал:

- Как я открыл Володю Дмитриева? Я был свидетелем, как он учился в училище. И потом он исчез - уехал к себе в Андреаполь, в свою колыбель. И вдруг происходит взрыв - он устраивает выставку. Как человек любопытный, я пошел на его выставку. И ахнул. Подмывало: как можно из глубинки приехать с таким потенциалом? Посмотрев выставку, я пришел к выводу, что все начинается с зарождения личности и влюбленности в ту среду, в которой она воспитывается. А среда - это лес, луг, ягоды, грибы. Это - влюбленность в природу, привыкание к своей колыбели...

К тому времени Володя создает семью, у него появляется своя мастерская. Впрочем, лучше всего Дмитриеву по-прежнему работается в Андреаполе, куда он продолжает ездить постоянно. Надежда Фадеевна рассказывала:

- Раньше мы жили в Великом Селе, где Володя и родился 10 мая 1954 года. Потом Геннадий Петрович, отчим Володи, срубил новый дом на Угрюмове (так называется один из районов Андреаполя), туда мы и переехали. Друзья Володины все из нашего угрюмовского угла, и рисовать он здесь любил. Далеко от дома обычно не уходил. Глядит на дерево, на улицу нашу, на свой дом и рисует, рисует...

В зарисовке «Матушкин дом художника Владимира Дмитриева» критик, кандидат филологических наук Владимир Кузьмин отмечал:

«Моросит» - это название одной из последних графических работ художника, на которых в основном - матушкин дом, родной Андреаполь, его окрестности. Взгляните на этот небольшой этюд... Как туманную дождливую морось можно было изобразить непроницаемой тушью? Не пытаюсь понять суть технических хитросплетений нервных линий пера на бумаге, полностью отдайтесь унылому очарованию скромного сельского пейзажа. Перед вами андреапольская деревня Луги... Дождь...

Из окна родного дома Дмитриев пишет радугу: семь знакомых линий, утопающих в сочном послегрозовом небе... «Почему я всегда рисую матушкин дом?» - говорит художник и отвечает на удивление просто: «Я там родился, это - моя родина...». Он с нескрываемой гордостью и восторгом рассказывает о древней истории Андреаполя. Задумаешься - зачем это художнику? Неужели, действительно, для того, чтобы из семи красок спектра, на которые расщепляется чистый вечный свет, создать эту буйную свежесть, даль и глубину пейзажа за окном...».

КОМПЛЕКС ВИНЫ

Как щедрый, некорыстолюбивый человек он любил дарить свои работы, но было и другое: во время его загулов некоторые «коллекционеры» за бесценок, за бутылку водки или просто так прибирали к рукам его картины, зная подлинную их цену. Затем они оседали в частных коллекциях в Москве и других крупных городах, «уезжали» за границу. И не просто так оседали и «уезжали», а принося солидные дивиденды тем, кто ловко пользовался Володиной (и не только Володиной) слабостью. Некоторые сделали на этом состояние...

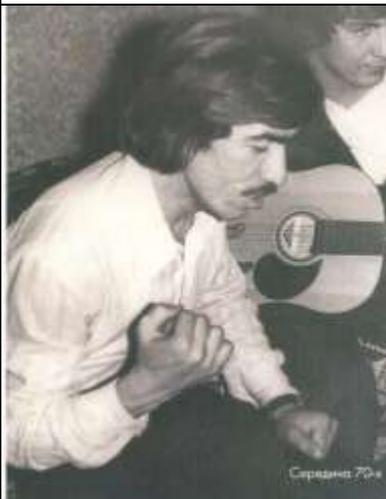
После того как, заболев, ушел с должности Геннадий Ключин, положение Владимира стало незавидным. «В Твери он числился на должности разнорабочего Худфонда с мизерной зарплатой», - пишет Елена Грачева. Дмитриева выселяют из Дома художника и запрещают в нем появляться. Как-то знакомая художница удручила меня новостью:

- Беда, Володька пропил мольберт...

Могли бы окружающие его коллеги сделать так, чтобы все было по-иному. Не знаю... Возможно, кого-то потаенно раздражала высочайшая популярность Дмитриева. Но все-таки ему самому не хватало воли удержать себя «на привязи». Тем не менее, он продолжает бороться за себя. Начинает часто бывать в храмах, рисовать их, но, прежде чем взяться за карандаш и кисть, становился на колени и просил у Бога прощения за свои грехи. С чего началось покаяние? Один из близких друзей Владимира рассказывал:

- Думаю, сыграла роль преждевременная смерть его наставницы Соловской. Когда ее не стало, Володя, наверное, понял, насколько был несправедлив по отношению к ней в последнее время. Уж за нее-то он просил у Бога прощения, я знаю это точно...

(начало на стр. 4).

(начало на стр. 1-3).

- Комплекс вины у него был, как и у всякого совестливого человека, - поведала другая почитательница таланта Дмитриева. - Мы однажды приехали в храм Дмитрия Саровского в Бибирево Западнодвинского района. Я снимала телекамерой, Володя рисовал. Посмотрела на его рисунки и поразились, насколько точно передал он детали внутреннего убранства храма. А потом заехала к нему домой, он исступленно колет возле дома дрова. «Привожу себя в порядок, - говорит. - Вот, смотри - готовый сюжет, - показывает на склоненное к дому дерево, над которым повисло тяжелое облако. - Вижу, а рисовать не могу. Рука кисть не держит»...

Иногда он заходил ко мне домой... Вспоминается лето 2004-го. Теплый июльский день. Вижу в переулке знакомую фигуру - Володя Дмитриев с каким-то свертком. Оставив огородное занятие, выхожу за

калитку.

- Возьми, что понравится, - развернув на колене сверток, Володя начинает перебирать многочисленные листы со своими карандашными набросками.

- Не возьму! – отказываюсь я, замечая, что он нетрезв.

- Возьми! – ухватив меня за рукав рубахи, настойчиво упрашивает Володя.

Не без колебаний я отбираю всего лишь один рисунок - на нем голое дерево с одиноко сидящей на ветке птицей. Что-то в этой птице есть такое...

- С завода меня уволили, - жалуется Дмитриев. - В Тверь собираюсь. Новую жизнь начну, - он разворачивается и шаркающей, неуверенной походкой идет к Советской улице.

Это была наша последняя встреча...

Последние полгода своей жизни Владимир Михайлович провел в основном в родном гнезде.

Надежда Фадеевна рассказывала:

- Приходит как-то выпивши, сел на крыльцо, обхватил голову руками и застонал, как зверь раненый... Говорю: «Может, зря с Калинина ты уехал, сынок?». «Наверное, зря, мама», - соглашается со мной. Он как меж двух огней и жил - то Андреполю, то Калинин - Тверь, попережнему... А потом Бологое у него появилось... Заявил: «Не расстраивайся за меня, буду возить картины на продажу в Тверь». Было у него там, кажется, двое каких то знакомых, которые покупали ему сначала холсты и краски, а потом забирали его работы. Когда, в конце апреля 2005 года, уезжал из Андреополя автобусом, сказал: «Сегодня же вечером вернусь», но не вернулся. Прошел день, другой, истекла неделя. Мы забеспокоились. Дочке моей Наташе понадобилось быть в Твери с отчетом, там она узнала от Галины, жены его, что Володя не живой. Галина показала кладбище, где он захоронен. Кто и когда хоронил, неизвестно. Лишь на табличке значились имя и фамилия сыночка моего и дата смерти - 3 мая 2005 года. Наташа договорилась, чтобы можно было забрать его домой. Здесь его и похоронили, как подобает. Каждый день вспоминаю его, плачу.

«ГЕНИИ НЕУДОБНЫ В ЖИЗНИ...»

После гибели Владимира Дмитриева, оказавшись в Твери, я навестил своих друзей-художников в мастерских на Серебряной улице. За чаем только и говорили что о нем. *Позже появится о Дмитриеве тонюсенькая, тиражом всего в 100 экземпляров, книжечка «Послесловие к жизни», где автор-составитель Татьяна Михайлова приводит воспоминания о Владимире.* Вот некоторые извлечения из них:

Сергей Зыбин, член Союза художников:

«Володя все время жил в Твери, в Андреаполе, то есть человек он был нестоличный, а работы у него не были провинциальными - и по уровню, и по его таланту живописца. Всегда ощущалась какая-то классичность, глубина колорита, тонкость его живописная, особое мастерство. Он любую работу делал, полностью отдаваясь процессу творчества. Он не мог работать вполсилы, всегда работал на пятерку, даже если маленький этюд писал. Вся его внутренняя энергия мобилизовалась в этот момент, и он всегда ее выплескивал».

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 1-4).

Игорь Бучнев, член Союза художников:

«В мастерской на улице Радищева, где он много лет творчески работал, создавал свои серебряные симфонии - уникальные, живописные, - все было подчинено творчеству. Художник, придя к нему, мог подпитаться и по-человечески, и творчески магией искусства, того, как человек может простые стены превратить в лабораторию, в которой все разумно, все красиво: чашка, кружка какая-нибудь, оловянная ложка, яблоко антоновское, бегония. Мне всегда нравились у него цветы, они жили какой-то своей жизнью, помогая художнику, позируя ему».

Михаил Маршумов, заслуженный художник РФ:

«Мы часто видим, что гении неудобны в жизни, с ними трудно бывает строить взаимоотношения. На самом деле - тут уж никуда не денешься - когда человек уходит, хочется говорить о нем только хорошее: этот человек - очень одаренный, это явление, и не хочется вспоминать какие-то сложности. Мы с ним находили общий язык. Во всяком случае, в моих воспоминаниях он остается только как талантливый художник. Мы между собой и гением его называли. Потому что на самом деле это человек редкой одаренности. И, может быть, не в одном творческом союзе пришлось бы искать равного ему или хотя бы близкого ему по одаренности.

Конечно, он мог бы много еще сделать. Конечно, невнимание к нему со стороны Союза художников было, да и, честно говоря, трудно было с ним, и осуждать кого-то сложно. Так уж распорядились высшие силы

Борис Федоров, член корреспондент академии художеств:

«Живопись он любил фанатично - в лучшем смысле этого слова, до дрожи. Все его работы говорят о том, что он был очень интеллигентным. Настолько тонкий был, что его на первый взгляд простые мотивы, которые не привлекали других художников, по интеллекту превращались - благодаря его таланту - в необыкновенные произведения. Это еще раз говорит о том, что важно не что пишешь, а как. И это, если говорить о профессионализме, мог только большой профессионал, понимающий в пластике живописи, в рисовании, в сочинении простого мотива, когда голубь стучится в окно или чеснок лежит рядом с простою кружкой. Другой проскочит мимо, скажет: что же вы пишете сараи какие-то, но он видел в этом свою лирическую основу...»

Михаил Стороженко, член Союза художников:

«Жаль Володю. Он, как ребенок, искренен, то есть восторг, неподкупность души - все это чувствуется и в его работах, и во всех его замыслах.

Смерть трагично унесла его. Странно, сейчас, когда художники уходят, начинают их признавать, замечать, а при жизни кем они были? Володя устроился в фонд забор красить, двери чинить - потому что брошены художники. А ведь где кончается искусство, больше нет государства, потому что художники несут и любовь к родине. В последние месяцы его жизни поприветствуешь его, спросишь: «Володя, ну что, голоден?» - «Да». Что я могу дать, хлеба? Что есть, вынесешь. Жутко - в 50 лет уйти, в самый рассвет таланта. Чудовищно».

Павел Урсу, андреапольский художник:

«Таких, как он, художников в Андреаполе больше нет и, может быть, лет 50 не будет, писал он здорово. Такие художники рождаются редко».

А затем стараниями тверских художников вышел тот самый, попавший мне в руки, альбом с репродукциями дмитриевских работ. Много сделал для того, чтобы это состоялось, директор Андреапольского музея Валерий Линкевич, собравший в музее несколько десятков работ друга. В этом альбоме, помимо репродукций, помещены и мнения коллег о художнике и человеке Владимире Дмитриеве. Жаль только, что репродукций маловато. Большинство работ талантливого земляка растворились по частным коллекциям. Грустно это сознавать, но даже в его родном доме, в Андреаполе, не сохранилось ни одной.

Перелистываю этот альбом, вглядываюсь в лицо, до боли знакомое, пытаюсь постичь своеобразие, глубину живописных картин, графики, коллажей своего земляка. В памяти возвращаются слова известного в области краеведа: «Климат андреапольский - особенный на

(продолжение на стр. 6).

таланты. Один Дмитриев - чего стоит!». Если так, то в чем особенность этого климата? В природе нашего края, где свыше сотни озер, множество рек и речушек? В его географическом расположении? Неподалеку от него истоки Волги, Западной Двины, Днепра... В богатой истории? Когда-то здесь «петух пел на три губернии», хозяйничали на этой земле татары, литовцы, страшные лишения видела она в минувшую войну... Или в чем-то другом, о чем я раньше не задумывался?

Однажды в Твери, в мастерской заслуженного художника России Всеволода Солодова, я встретил известного тверского коллекционера.

- Это земляк Дмитриева, - представил меня гостю Солодов.

- В моей коллекции восемьдесят Володиных полотен, - сказал мой новый знакомый. - Если договоритесь в Андреаполе с залом, я сам привезу и увезу картины...

Будучи в родном краю, отправился я в местную администрацию с предложением организовать выставку работ Владимира Михайловича Дмитриева. Знакомый чиновник внимательно выслушал, согласно покивал головой, на том все и закончилось. Видимо, закурился в делах и забыл о моей просьбе.

Уже после этого я разговаривал в Андреаполе с ветераном фарфорового завода, на котором когда-то работал Дмитриев:

- Володька-то? Ну, рисовал там чего-то... Вазочки глиняные делал... Соловская его научила... А так, что о нем еще сказать... Ничего особенного...

«Нет резона обижаться на этих людей. Они живут по своим меркам и пусть себе живут...», - подумал я вначале. Но потом эту мысль переборолла другая, с горьким привкусом: «Эх, родина-мать, когда же ты научишься ценить своих талантливых сыновей?»

В 2014 году Владимиру Дмитриеву исполнилось бы 60. Как много он ещё мог бы сделать, но не суждено...

ВАЛЕРИЙ КИРИЛЛОВ
Тверь-Андреаполь.

НА СНИМКАХ: Владимир Дмитриев. 70-е гг.; Владимир Дмитриев. 80-е гг.

• Новые книги

Недавно издан один из первых поэтических сборников, подготовленных к печати Домом поэзии Андрея Дементьева с названием «Тверское время» и подзаголовком «Сборник произведений тверских поэтов конца XX – начала XXI веков». Он включает поэтические тексты двадцати авторов

тверской земли.

Андреапольцы найдут в книге знакомые имена. Название нашего города вошло в сборник со стихотворением «Андреаполь» торжокского поэта Василия Рысенкова, который представлен здесь как «один из самых одарённых поэтов тверской земли». Запомнились наши края молодому тогда ещё поэту и агроному, работавшему в восьмидесятых годах на студенческой практике и немного после неё в совхозе «Любинский».

Весьма приятно будет для нас отыскать фамилию - Владимир Юринов. Дело в том, что поэтов из районных городков в сборнике всего четверо. И один из них – наш земляк. Здесь читатель сможет увидеть как уже известные и полюбившиеся ему строки Владимира, так и несколько новых стихотворений, и ещё раз порадоваться за него.

В Великих Луках вышел в свет третий выпуск поэтического сборника «Из варяг в греки». В отзыве на книгу Татьяна Шабаева («ЛГ») пишет: «Эта маленькая и тщательно составленная подборка расскажет о нынешнем бытии русской поэзии лучше, чем книга маститого столичного литератора. Во-первых, это хорошие стихи.

Лучше всего им подходит определение «душевные». Их авторы живут в разных уголках России и не собираются уезжать. По крайней мере, этот мотив в их творчестве не слышен. А вот искренняя, умная, зрячая любовь к своей стране слышна».

Среди авторов сборника вы найдёте имена двух наших землячек: Татьяны Лапко и Маргариты Петровой.

Редколлегия сборника - это Андрей Канавщиков, Александр Сапрунов, Александр Юринов, Татьяна Лапко.

• Гости клуба

Людмила
Леоненкова

г. Белый

* * *

Это только кажется –
Время бесконечно.
Это только кажется –
Все могу успеть я.
Вечером – расслаблена,
Праздна и беспечна,
Утром – всем обязана,
Мельтешу у печки...
Это только кажется –
Все сама смогу я,
Узелки развяжутся,
Нити оборву я.
Долей женской связана,
За любовь наказана,
Я к тебе привязана,
Я тебе обязана.
О любви и нежности
Зря тебе толкую,
От твоей небрежности
Плачу и тоскую.

* * *

Земля моя Бельская - поле да речка.
Стихи мои все – о тебе до словечка.
Все мысли мои о тебе, до конца.
Милее нет края во власти Творца.
Здесь улица тихая в сорок домов,
Где радость и лихо я встретить готов,
С тобой разделить и беду и печаль,
Мой Бельский, богами оставленный край.
Я верю, когда-нибудь время придет,
Откроется снова станочный завод,
На тучных полях зарычат трактора,
Польется рекой золотой в закрома
Пшеница тяжелая, спелая рожь.
Ты, край мой потерянный, вновь оживешь.

* * *

Какое счастье - просто жить!
Ласкать собаку, гладить кошку.
По лугу росному ходить,
Глядеть на улицу в окошко.
Какое счастье - просто жить!
Копать грядку, сажать картошку.
Все, что посажено – взрастить,
И щи хлебать из миски ложкой.
Какое счастье - просто жить!

Писать стихи, играя словом,
Мечтать, смеяться, говорить,
Любить и ошибаться снова.
Какое счастье - просто жить!
И думать только о хорошем,
О том, что смертны мы, забыть...
Как жаль, что это невозможно.
Какое счастье - просто жить...

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Цветут последние цветы,
Красой застенчивой пленяя.
В преддверьи сумрачной зимы,
Унылый сад мой освещая.
Пусть дни уже их сочтены,
И дождь осенний все длиннее,
Цветут доверчиво они,
В тепло и свет наивно веря.
Так мы, дожив до седины,
По-детски глупо верим в счастье,
И ждем, как ждет земля, весны,
Презрев осеннее ненастье.

Кто же все-таки ее выдумал –
эту странную жизнь мою?
Ветром северным душу выдуло,
Разметало по сентябрю.
Мои строчки пылают листьями
На холодной, сырой земле.
Я стихами дорожку выстелю,
Только ты возвратись ко мне.
И не мучай себя обидою,
Не испытывая судьбу,
Ты, чужой любви не завидуя,
Все прощая, прими мою.

* **

Стихи – мои глупые мысли вслух,
Что в моем сердце вспыхнули вдруг.
Что, не сдержав я в своей душе,
На белом листе протянула тебе.
Не рассуждая, ты их возьми,
Не осуждая меня, прими.
Пусть прикоснется к душе душа,
Боль отзовется в тебе – моя.

• Молодые голоса

**ДВА ЛИЦА ПЕТЕРБУРГА
В ПОЭМЕ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»**

Размышления о прочитанном

Санкт-Петербург... Город белых ночей, тихих улочек...

Твоих задумчивых ночей

Прозрачный сумрак, блеск безлунный...

Романтика... На первый взгляд. А так ли всё тихо и спокойно?

Величественный город с потрясающей архитектурой, богатой историей, морским портом – «окно в Европу», как выразился Альгаротти. Окно... Что люди видят через окно? Только то, что за окном есть. Они только видят, но не всматриваются, не слышат и даже не вслушиваются. Через стекло вряд ли познаешь мир таким, какой он на самом деле. У Пушкина один глаз смотрел прямо, а другой – немного (незаметно даже) мимо, оценивая те же ситуации, слова и поступки с обратной стороны. Конечно же, я говорю не о человеческих глазах, а об умении рассматривать монету с двух сторон.

Красуется град Петров, отражаясь то в тихих, то в бурных водах Невы. Город на костях... Страшные мысли приходят в голову, когда пытаешься представить, как Пётр I, видя умирающих людей, строителей будущего Петербурга, приказывал тут же хоронить их. Как собак – плевать, чьего рода и имени, плевать, что такой же человек, главное ведь – беспощадно стремиться к своей цели.

Гордость человеческая есть хорошая черта, если отстаиваешь важное или ценность, исходя из среднего между доводами сердца и разума (в этом случае уж точно нельзя полагаться на то, что обычно является первым «доводом» сердца – жадность, а также на то, что является первым «доводом» разума – хитрость).

Гордо возвышается Петербург над Невой. Гордо...

Природа навсегда запомнила Петра и много позже отомстила его творению.

1824 год. 19 ноября по старому стилю (7 ноября по новому). Два часа дня. Ледяной, пронизывающий ветер. Жуткий рёв бьющихся о набережную огромных волн. Нева слилась с морем и обрушилась на город, круша, затапливая, уничтожая всё и всех на своём пути.

Стояли стогны озерами,

И в них широкими реками

Вливались улицы.

Свистящий ветер и вода, как души погребённых под гордым Петербургом, рвались вперёд, мстя. Детище Петра, прекрасный город, был ли он ещё тем же гордым?

Народ

Зрит божий гнев и казни ждёт.

Кумир на бронзовом коне бесстрашно, строго, равнодушно и решительно взирал пустым взглядом на тонущий город и взбунтовавшуюся стихию.

Как тогда. Тем же пустым и равнодушным взглядом смотрел на людей, рождающих один из самых прекрасных городов на свете. Для Петра было всё равно – смерть человека или смерть собаки. Важнее был город. Его город. Город на костях...

Елизавета Линкевич,
г. Андреаполь

• Новые стихи

Наталья Шабанова

п. Чистая речка

ПУРГА

Тонут в мрачном лесу
голубые снега,
Ветры вьюжные
в поле гуляют
Им вдогонку спешит
молодая пурга,
В ночь промозглую
саван роняет.
Стынет воздух и свет,
Опрокинулся мир.
Через тьму огоньку
не пробиться.
Снеговерть у плетней
Закрутила свой пир,
Лишь за тучами
месяцу спится.
Замело все тропинки,
В сугробах кусты.
Шлёт пурга на весь свет
Завыванье.
Деревенские улицы стали пусты
И наохлились,
как изваянья!

ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА

Зима заснежила, завьюжила.
Белым - бело в округе стало.
На ветках – бархатное кружево,
Из лёгкой ваты покрывало.
В лесу, под ёлкой дремучею,
Горит рябина, догорает
И, рассыпая гроздь пахучую,
На праздник птичек собирает.
А речка, льдом в оковы взятая,
Беззвучно спит, как неживая.
На берегах кусты опрятные
Застыли, бликами играя.
Лес торжествует в тихой нежности,
Качаясь в дымке сизо-пьяной.
И так легко от этой свежести,
Что ты бредёшь слегка усталый!

МОРОЗ-ХУДОЖНИК

Мороз-художник во дворе
Сегодня в главной роли.
Ещё он крепок и вполне
Сумеет дать гастроли.
С его художеством беда-
Носы малюет красным,

А губы - синим, ерунда,
Спасибо, что не маслом.
Он чистым белым на стекле
Выводит завитушки,
Там лес поднимется седой
И разные зверушки.
Раскинет ветви бирюзой-
Лишь солнышко засветит.
Снегурку с длинной косой
За кустиком приметит.
Пометит инеем - мазком
И стебельки и шишки.
Он неустанен, сила в нём
И озорство мальчишки.

СНЕГ ПОД ЛУНОЙ

Что бриллианты в сравнении с ним,
С этим богатством белым?!
В лунном сиянии светом горит
Ворох снежинок смелых.

Гранью алмазною вдруг подмигнут,
Флирт заведут с морозом.
Чудо - снежинки на вечере мод
Дарят красу берёзам.

Сколько изящества, лирики в них,
В этих снегах хрустальных!
Ими усыпано поле и луг,
Сердце и берег дальний.

Россыпи звёзд – миллиарды свечей
В лунном цветенье ночи.
Душу берут в свой блистательный плен,
Счастье в судьбе пророчат.

Греют они своей дивной красотой,
Хоть холодны на ощупь.
Стал бриллиантовым, сказочным мир,
Днём он казался проще.

Можно ли миг этот как-то продлить?
Радость спасти и умножить?
Чёрное зло белым пухом закрыть
И доброту не тревожить?

Сказка зимы! Чудотворный узор!
Жгучим рассыпья снегом!
Санной дорогой сквозь сердце промчись,
Звонким согрейся бегом!

Зимняя Русь! Хороша, чёрт возьми!
Сердце моё затмила!
Белым сугробам расти и расти,
Русской зимы в них сила!

• Мысли по поводу

ПРО ЛЮБОВЬ, СТАРЫЙ БАШМАК И ПОЭЗИЮ...

Так получилось, что почти одновременно двое взрослых мужчин из разных городов скинули мне свои стихи про любовь, как им казалось. Просили посмотреть, высказать свои сомнения, если такие возникнут. С разницей в несколько дней пришёл текст для газеты «Светлячок» от андреапольца Владимирова Юринова «Я - старый башмак». Прочла. Вот оно – про любовь, подумалось мне и очень захотелось тронуть эту тему, высказать то, что душа попросила.

Как объяснить в чувстве, чтобы в нём не усомнились? Непростое дело. «Люблю» – слово ёмкое, энергетически насыщенное, частого употребления не терпит. Тускнеет от него, затирается. Скажут его раз – прислушаешься, скажут два и больше – усомнишься, будут повторять ежедневно – примешь эти признания за обычный пустой треп.

А как написать о нём, чтобы поверили?

Читаю: «Любовь моя, судьбы моей награда», «Ты, как луна, что молча светит в звёздах», «Два влюблённых сошлись человека», «Вальс любви, не забытый в ненастье», «Поцелуй, вдохновляющий жить». Слово «любовь» в разных вариантах повторяется раз по пять. И хочется закричать, как это делают режиссёры при неудавшемся дубле: «Не верю!!!». А взгляните сюда:

*Я – старый башмак.
Юфть моя некрасива.
Жизнь шла во мне, шла
и меня износила.*

И дальше 29 строк о непростой судьбе башмака: «в заплатках бока», «подточенный морем» и дорожной солью «пополам с реагентом», бредёт он устало «по жизни ублюдошной, грязной и тошной» «сквозь дней маяту». Плакать или смеяться? И где тут про любовь? Подождите, разгадка впереди, в последних трёх строках:

*Но одна мне отрада –
любимые туфельки
шаркают рядом.*

И сразу всё становится ясно. И любая женщина обзавидуется этим шаркающим теперь (а ведь звенели когда-то!) туфелькам, которые наш башмак ни за какие коврижки не променяет на юные роскошные модные цокающие каблучки.

Негромко надо о любви, вполголоса. А иногда и с улыбкой.

Владимир Юринов
Я – СТАРЫЙ БАШМАК

Я – старый башмак.
Юфть моя некрасива.
Жизнь шла во мне, шла
и меня износила.
Скриплю, промокаю
в любое ненастье.
В заплатках бока,
а башмачное счастье –
крема и бархотка –
по праздникам разве.
Стоптался. Походка
хромает. Как айсберг,
подточенный морем,
кренюсь и качаюсь.
Коль днём не промок,
рассыхаюсь ночами.
Но всё же бреду:

Маргарита Петрова

запинаясь на кочках,
то трезв, то в бреду,
то – в строку, то – не в строчку.
По жизни ублюдошной,
грязной и тошной
скриплю и скриплю,
добывая подошвы,
сквозь выбоин боль
вдоль асфальтовой ленты,
сквозь лужи, сквозь соль
пополам с реагентом,
сквозь дней маяту...

Но одна мне отрада –
любимые туфельки
шаркают рядом.

ВДРУГ ОБАМУ НЕ ВЫБЕРУТ

Сегодня я решил навестить Афанасьича. Это мой сосед по улице, живём почти что рядом, но в силу разных причин встречаемся мы с ним редко. То одно мешает, то другое, но время от времени встречи всё-таки происходят.

Живёт Афанасьич бобылём: ни вдовец, ни разведённый, просто так сложилась судьба – один и всё. Нет, он не то чтобы совсем одинок на этом свете, родственники у него есть: и братья, и сёстры, дяди и тёти. Но почему-то связей он с ними не поддерживает, разве что при разговоре иногда вспомнит о них. Ну что же, в жизни случается всякое, поэтому осуждать его за одиночество было бы грешно. Да и какой это грех – одиночество. Порой мы со всех сторон окружены близкими и родными, но чувствуем себя одинокими.

Афанасьич очень трудолюбив и донельзя деловой. Когда бы я ни пришёл к нему, он всё время при деле. Лежание на диване – это не его участь. Иногда, правда, он смотрит старенький свой телевизор, а потом обсуждает новости, увиденные и услышанные там. Читает газеты, в основном районную, а если какую-то другую, то верит написанному, как самому себе. В то, что статьи могут быть заказными или выгодными кому-то, не верит ни за что. Если написано, значит, правда.

Он очень любит свой обветшалый уже домик, обихаживает его, как только может: красит, обивает, подправляет. Особая страсть у него к металлу. Наверное, поэтому все четыре стены дома до половины он обил блестящей тонкой жостью. На мои сомнения, не станет ли от этого холоднее, отвечает уверенно: «Зато не сгниёт». И то правда, домику-то почти сто лет.

Рядом с домиком он разбил цветник, достаточно примитивный, с невзрачными жёлтыми цветами, которые и взошли-то не все, но ему кажется это красивым. Чтобы цветник случайно не вытоптали и не трогали цветы руками, он огородил его оригинальным заборчиком, используя при этом сетку-рабицу. Для полной оригинальности Афанасьич своё творение покрасил, непонятно на чём разведённой краской под серебро. Несмотря на солнечную и тёплую погоду, краска ни за что не хотела высыхать. Известно только мне и соседу, сколько раз я вспоминал чью-то мать, очередной раз измазав руки об этот заборчик. Подозреваю, что сделал он это специально, руководствуясь мыслью: «Не звали – не лезь».

Беседовать с Афанасьичем о чём-либо сложно. Он не курит, не пьёт, а если и выпивает, то в меру и редко. А, как известно, мужская беседа поддерживается той или иной дурной привычкой. Правда иногда, если наша беседа проходила на улице, мы могли поговорить о бабах. Просто поговорить: не зло, не ёрничая. Да и могло ли быть иначе в наши с небольшим шестьдесят лет. Любили мы теперь глазами, поэтому нет-нет да и обсуждали проходившую мимо молодуху. Вглядывались, а может, любили. Но не злословили. Чего не было, того не было.

Как бы трудно ни было разговаривать Афанасьича, мне это иногда удавалось, если я начинал разговор о политике. Это был мой крючок, а его наживка. На этот раз тема подвернулась как раз кстати. Накануне прошли выборы в местные Советы депутатов. Избиралась местная власть, от которой в некоторой степени зависела наша дальнейшая жизнь. В это же время проходила кампания по избранию президента Соединённых штатов Америки. Из новостей, увиденных по телевизору было ясно, что дебаты там разгорелись не шуточные. У Барака Обамы были достаточно сильные противники, вопрос о том, быть ли ему на этот раз президентом, стоял очень остро.

Считая, что для нас главными были всё-таки местные выборы, я спросил у Афанасьича, за кого он голосовал.

- А чего за них голосовать, всё равно от них ничего не зависит. Да и вообще я на выборы не ходил. А вот переживаю, что будет, если Обаму не выберут? Вопрос сурьёзный, - изрёк он глубокомысленно.

Я закашлялся, поперхнувшись сигаретным дымом.

Александр Павлов,
г. Андреаполь

• Листая старую тетрадь

Михаил Никоноров

г. Андреаполь

Он оценивает своё творчество

как «опыт своеобразного сочетания лирики и юмора, иногда чёрного». Стихи Михаила в большинстве своём – аллегории, они многослойны. То, что он хочет сказать читателю, очень часто не лежит на поверхности.

ПЯТИСТЕНОК

«... уход из жизни клоунов и лицедеёв возносится в утрату государственного масштаба».

Из статьи В. Широкова «Уценённый мир»,

«Литературная газета» №4 за 2002 г.

-1-

На печке бражка бродит,
за печкой зреет квас.
Я про жилище, вроде,
своё веду рассказ.

Обычный пятистенок,
окрашен и обшит,
по Солнечной системе
с планетою летит.

Отец завёл строенье,
успел сполтинить сруб.
В лесу на то Успенье
нашли отцовский труп.

Обычное явление,
естественный конец:
не выдержав похмелье,
повесился отец.

Посторойку продолжала
тогда его сестра,
и топором махала
с утра и до утра.

Махала, да неважно:
по утренней поре
срубил топор однажды
и голову сестре.

Тогда мой старший братец,
потупя мрачный взор,
философ и страдалец,
схватился за топор.

Два дня – и снова беды,
снова плач и стон:
задумавшись, обедом
объелся насмерть он.

И тут другой брательник,
свиной окрестных друг,
пьяньчужка и бездельник,
за стройку взялся вдруг.

Возвёл прилично стены,
О крыше помышлял,
но будучи пьян в стельку,
со сруба вниз упал

и опочил безвременно,
но хорошо одно:
похмелье после этого
не мучило его.

И жизнь свою итожа,
берусь за дело я:
иначе невозможно,
ведь очередь моя.

Весна лёд растопила.
Прозрачен воздух, тих.
Доделаю стропила –
и удавлюсь на них.

-2-

Окрестность – как червонец,
и провода звенят.
Дожив до чуда-осени,
раздумал сдохнуть я.

Завёл хозяйство крепкое,
корову и жену.
Назло погибшим предкам,
я до сих пор живу.

ДАМЕ, ПЕРЕОЦЕНИВШЕЙ МОЙ СТИХ

Рождённый невзначай
Нелунными ночами
Не прозвучит в веках
Мой неуклюжий стих
Но там где нет любви
Не может быть печали
Я слушаю тебя
Не слыша слов твоих

(Отсутствие знаков препинания – творческая задумка автора).

Владимир Юринов**На картах не значит****Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта**

Говоря о населении Дальнего Востока, нельзя, конечно, не упомянуть ещё о двух категориях местных граждан: это – ээки и военнотружущие. Служивый люд, по сути, был первым, кто пришёл на дальневосточные земли. Ну а, как водится, вслед за крепостями в новых диких краях неизбежно появились и остроги. Всё шло своим чередом: служивые служили, острожники сидели; причём бывало порой – и в истории нашей страны это не такая уж большая редкость – что через какой-то промежуток времени они менялись друг с другом местами. Особенно многочисленными эти две категории граждан стали, безусловно, в советское время, в 30-50-е годы, когда, с одной стороны, спешно укреплялась обороноспособность дальневосточных рубежей Советского Союза, а с другой, – руками ээков поднималась дальневосточная промышленность.

В мою бытность на Дальнем Востоке распространённой шуткой по этому поводу было утверждение, что местное население состоит на 30 % из бывших и нынешних военных, на 30 % из бывших и нынешних ээков, а остальные – это члены их семей. Мне думается, что доля шутки в этой шутке экспоненциально приближалась к нулю. Впрочем, это, в основном, касалось городского населения.

Вот, пожалуй, и всё, что можно сказать о дальневосточном населении вообще и о жителях Орловки в частности.

Стоп! Забыл! Как же это я так?! Забыл ещё про одну категорию граждан! Нет-нет, эта категория не только требует особого упоминания о себе, она, безусловно, достойна отдельной главы в повествовании.

Итак, уважаемый читатель, твоему вниманию предоставляется небольшой рассказ...

О ЗОЛОТОМ ФОНДЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Речь, как вы уже, наверное, догадались, пойдёт не о «золоте партии» и не о знаменитых колымских самородках, а о людях. А точнее, о замечательных представителях Вооружённых Сил, именуемых прапорщиками.

Прапорщики в Советской Армии были совершенно особенной кастой. Если оглянуться назад с высот нынешних времён, становится понятным, что прапорщики были первой ласточкой современной военной контрактной системы. В отличие от офицера, прапорщик уже тогда, «в те времена укромные, теперь почти былинные...», при поступлении на службу подписывал контракт, в котором, в частности, оговаривалось его, прапорщика, дальнейшее место службы. Надо ли после этого говорить, что всех орловских прапорщиков можно было сосчитать на пальцах двух рук. Редкий это был вид в Орловке. Исчезающий. И недаром в отношении этих замечательных людей закрепилось в орловском гарнизоне уважительно-придыхательное наименование: «золотой фонд Советской Армии».

Все прапорщики, или, как мы их ещё называли на старый лад, хорунжие, в Орловке были, что называется, из местных. То есть как раз из того «человеческого материала», о котором я столь подробно говорил в предыдущей главе. «Материал» этот, как вы заметили, был своеобразный, к трудовым подвигам не шибко склонный, но деваться командованию гарнизона было некуда, людей катастрофически не хватало: о чём уж там говорить, если на должность механика самолёта ставили даже военнотружущих срочной службы. А срочная служба, если кто не знает, – это такие специальные люди, у которых туловище является лишь разбёгом для присоединения рук к заднице. Их не то что к сверхзвуковому истребителю, их к обычной телеге и то можно подпускать только с определёнными оговорками и только под строгим присмотром, держа наготове включённый «матюгальник» и трёхметровую раздвижную мухобойку.

В предыдущей главе я ничего не написал о срочной службе и сделал это вполне сознательно. Дело в том, что, во-первых, «срочники» не являлись более или менее постоянными жителями Орловки – пребывание каждого из них на орловской земле, ввиду неизбежной демобилизации, было всегда скоротечным. Недаром же даже термин специальный имелся для их наименования в официальных бумагах: «переменный состав». А во-вторых, для нас «срочники», или как мы их между собой называли – «зольдатены», были не собранием многочисленных отдельных индивидуумов, а представлялись, скорее, неким природным явлением, сродни погоде, ибо было это явление так же, как и погода, стихийно-непредсказуемо и так же чревато многочисленными и разнообразными неприятностями. Вся солдатская масса виделась нам одним многоруко-многонигом, но, увы, безголовым, аморфным организмом. Возни с этим организмом было много, хлопот он доставлял огромное количество, толку же от него не было никакого.

(продолжение на стр.14).

(начало на стр. 13)

Дело в том, что солдат-срочников в полки истребительной авиации всегда присылали по остаточному принципу. И действительно: в атаку им не ходить, с парашютом не прыгать, караульную службу не нести. К самолётам их, как я уже говорил, тоже в здравом уме никто никогда не подпустит. Даже раствор месить и кирпич класть, как в строительных батальонах, им в истребительном полку было не суждено. Использовался переменный состав в истребительных полках исключительно на уборке территории, при выполнении разнообразных земляных работ или в крайнем случае на работах, не требующих никакой специальной квалификации – типа «подай-принеси». Так что срочная служба нашего полка состояла, в основном, из смуглолицых сынов степей и гор, с трудом понимающих русскую речь. Создавалось порой такое впечатление, что в армию их забирали внезапно, подловив где-то на тайной тропе, по которой они спускались из своих горных аулов за спичками и солью. Потому-то в глазах их и был постоянный испуг, а на лицах навсегда застыло выражение непреходящего изумления. Передвигались они обычно небольшими отарами, от начальственного окрика не ускорялись, а, наоборот, впадали в ступор. Поручать им какую-либо работу было совершенно бесполезно, поскольку эти «дети солнца» твёрдо и навсегда усвоили для себя простое и где-то даже мудрое правило: лучше один раз не сделать, чем потом семь раз переделывать.

Тем не менее о срочной службе надо было заботиться. Надо было постоянно следить, чтобы наш «зольдатен», этот славный защитник Отечества, не дай бог, куда-нибудь не вщемился, ничего себе не повредил, чтоб не тянул в рот всякую гадость и вовремя ложился спать, причём, желательно, в отведённом для этого месте. Для выполнения этой тяжёлой и неблагодарной работы, кроме штатных командиров и начальников, из числа офицеров постоянно назначались так называемые «ответственные», которые руководили работами, сопровождали солдат в столовую и даже ночевали в солдатской казарме. Переменный состав, в свою очередь, проявлял недюжинную смекалку и удивительную изобретательность, чтобы, посрамив бдительность командиров и «ответственных», слинять в «самоход», сожрать (а чаще выпить) какую-нибудь дрянь или, забравшись туда, куда нормальному человеку забираться никогда в голову не придёт, повредить себе каким-либо нетривиальным способом конечность, а ещё лучше – две. Страшно было даже подумать подпустить это шkodливое безголовое существо к сложнейшей авиационной технике. О чём тут говорить, если даже автомат, закреплённый за каждым солдатом по штатному боевому расписанию, этому солдату в руки давали (незаряженным!) только один единственный раз за всю его армейскую жизнь – во время принятия присяги.

И если прапорщики были в Орловке «золотым фондом», то срочная служба требовала другого – более адекватного названия. К примеру, наш незабвенный командир эскадрильи подполковник Земляков называл солдат не иначе как «жемчугами драгоценными».

– Ну что, жемчуга мои драгоценные, – говаривал бывало Сан Саныч, построив «зольдатенов» на бетонке и прохаживаясь вдоль понурого строя, – сознавайтесь, красавцы, кто из вас опять до туалета не донёс? Кто за капониром нагадил?..

Так что переменный состав был для командиров и начальников всех степеней вечной головной болью и геморроем одновременно, и поэтому, когда в середине 90-х солдат срочной службы из истребительных полков наконец-таки убрали, распахав их по частям обеспечения, весь личный состав вздохнул с непередаваемым облегчением.

В то время в истребительной авиации ещё существовала экипажная система. То есть за каждым лётчиком в полку был закреплён свой самолёт. Лётчик являлся командиром экипажа, и в экипаже этом, помимо него самого, числились: техник самолёта – тоже офицер; и механик самолёта – рядовой срочной службы. Повелась эта система издавна, наверное ещё с тех времён, когда механик требовался для заноса хвоста самолёта на стоянке. Хвосты самолётам уже давно никто не заносил; лётчики давно уже летали не каждый на своём, жёстко закреплённом за ним, самолёте, а на том, который был указан в плановой таблице полётов; механиков-солдат, как я уже говорил, к самолётам не подпускали на пушечный выстрел, – а штатная экипажная схема продолжала существовать. На горе нам и на потеху остальному миру.

Я, придя в полк, тоже получил свой самолёт и был назначен командиром экипажа. Техником у меня в экипаже был такой же, как и я, свежеиспечённый лейтенант – выпускник инженерно-технического училища, а механиком – некий рядовой срочной службы. Фамилии его я за давностью лет, конечно, уже не припомню, ну, пусть это будет, как обычно в подобных случаях, Пупкин. Так вот, Пупкин этот, как тут же выяснилось, в Орловке не служит и никогда не служил, он только числился в нашей эскадрилье, а службу проходил в Хабаровске при армейском штабе. Вообще, явление такое в армии никогда никого не удивляло. Если в

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

определённом месте требовался человек, а штатно-должностное расписание наличие этого человека на данном месте не предусматривало, то человек всё равно на требуемое место ставился, продолжая (по бумагам) исполнять свою прежнюю должность на прежнем месте. Поэтому я – хорошо знакомый со всей этой системой – насчёт отсутствия рядового Пупкина тоже нисколько не удивился. В Хабаровске, так в Хабаровске. Подумаешь! Как говорится: «Баба с воза...». Разумеется, выйдя из штаба, где я изучал штатно-должностное расписание, я тут же про своего рядового Пупкина и забыл. И, как оказалось, зря.

Где-то через полгода я был вызван в кабинет командира полка. Вызов простого лейтенанта, даже лётчика, в кабинет командира полка явление нечастое, и я, поднимаясь на второй этаж, спешно припоминал все свои проступки и «провисы», свежие и давнишние. Однако действительность всегда оказывается богаче наших самых буйных фантазий.

– Юринов, что же ты личный состав свой распустил? – с порога «взял быка за рога» командир. – Почему твоего Пупкина задерживает патруль? Да ещё и в пьяном виде!

Я, с трудом вспомнив, кто такой этот Пупкин, естественно заинтересовался – где именно его задержал патруль?

– Как где? – удивился командир. – В Хабаровске, естественно.

– Э-э-э... – в свою очередь удивился я. – А я-то тогда тут причём?

– Как причём?! – поразился моей недогадливости командир. – Он ведь ТВОЙ подчинённый?!

Крыть, как говорится, было нечем. Действительно мой подчинённый и действительно задержан в пьяном виде патрулём. Не поспоришь.

– Ну что... – продолжал тем временем командир. – На первый раз тебе выговор. За слабый контроль за подчинённым личным составом. Впредь смотри за своими солдатами повнимательней. Вопросы есть?

Я сказал, что вопросов нет и что «Есть, выговор!», развернулся налево через плечо и вышел из кабинета, чтобы впредь внимательней смотреть за своим подчинённым, удалённым от меня на 700 километров.

Так я получил своё первое офицерское взыскание.

(продолжение следует).

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС! «ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Напоминаем, что условия конкурса опубликованы в «Светлячке» №9(30) за сентябрь 2013 года. Прочесть нашу газету вы можете, набрав в поисковой строке: литературно-краеведческая газета «Светлячок».

ЛЮБОВЬ

Любовь – живых есть Божий дар,
И у растений – тоже.
На этом фото снята пара,
Как на людей похожа!
Посеяна весной,
росла морковь в заботе:
Рыхлила, поливала в зной
Хозяюшка в работе.
И вот вскопала в огороде
Обнявшихся так вместе:
Ведь и у Бога, и в природе
Любовь на первом месте!

Геннадий Якушев,
г. Нелидово

ТАКАЯ ВОТ «ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Знакомый воздух Торопацы
Меня, как встарь, пьянил опять.
Любовь из юности далёкой
Я буду вечно вспоминать.
Луга с душистыми цветами
Пленили душу навсегда,
Мы, взявшись за руки, бежали
С тобой неведомо куда.
А рядом птицы щебетали,
Сопровождая всюду нас.
И мы тогда ещё не знали,
Что будет всё в последний раз.
И вот теперь уже другие
Так, взявшись за руки, бегут.
И пусть они совсем не знают
Злых расставания минут.

Владимир Яковлев,
п. Бологово

Работы присылать в электронном варианте по адресу: andkniga@andreapol.tver.ru

или присылайте рукописи по адресу:

г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;

или приносите в районную библиотеку.

• Тело без дела

*Лежало тело на полу.
Лежало тело
И никого, и ничего уж не
хотело...*

Валентина Никанорова

Пётр Бобунов

Лежало тело на полу, лежало тело,
И как-то странно на меня оно смотрело.
Оригинальный индивид, причём упрямый.
Лежит.
И пусть себе лежит – по барабану!
А бес цепляет за полу и тянет долу:
Смотри-ка, тело на полу иного полу!
Так соблазнительно лежит, и так красиво,
И ясно, что не возразит, -
Вот перспектива!
Но сдюжил я, не снизошёл, как не заметил,
Как-будто начался футбол, и пол не метен.
Она решительно встаёт, дохнуло стужей:
- Ну что, родной, который счёт?
Забудь про ужин.

Наталья Иванова

Лежало тело на полу, лежало тело.
И как-то странно на меня оно смотрело.
Так равнодушно, словно мной пренебрегало.
Моих ответов не ждало...
и не моргало.
Лежало тело на полу, и это тело
Зачем-то, обойдя вокруг, обводят мелом.
А я с тех пор, хоть не пойму, что значит это,
Считаю тело на полу
плохой приметой.

Светлана Миронова

Лежало тело на полу. Лежало тело.
Оно ведь рано поутру пить не хотело.
Не напиваться и в обед пообещалось.
Нарушив к вечеру обет, увы, «набралось»!
Напились в стельку, в хлам, в дрова.
Не утерпело...
Переступив порог едва, упало тело.
Оно свалилось, как мешок объята дремой.
Едва не вызвав нервный шок у тех, кто дома.
Совсем напрасно на него жена кричала-
Не отвечало ничего, едва мычало.
Какой там ужин при свечах...какая дата...
Какой там праздник – полный швах!
Идти куда-то...
Напрасно мучаясь, жена будила тело.
В глубоком трансе в никуда оно смотрело.
И не смогло бы ничего, и не хотело...
Вздохнуло тело глубоко...и захрапело.

Маргарита Петрова

Старело тело, что ни год,
увы, старело.
Но так хотело манким быть,
Влюблять хотело.
Изобретательность его
не знала меры,
из обольстительных стихов
брало примеры.
Уловок истощив запас,
решило тело:
«А не улечься ль на полу
для пользы дела?
В красивой позе, на ковре –
мечта поэта!»
Поэт и вправду рядом был,
строчил куплеты.
Ему бы рифму отыскать,
тут не до тела.
Не на того, видать, в тоске
оно глядело.

Игорь Столяров

Лежало тело на полу:
оно читало!
Над ним в восторженном пылу
душа витала.
Душа манила, чтоб за ней
вспорхнуло тело
и больше в клетку тусклых дней
не захотело.
Душа звала сорваться прочь
за рамки быта –
туда, где глянцева ночь,
как ром, распита,
где льется песня у костра
про ласки взоры,
и вторят эхом до утра
леса и горы.
Душе хотелось жить любя!
А что же тело?
Оно читало про себя,
порой бухтело,
сминало краешки страниц,
жевало «бутер»...
Но стрелки грустно пали ниц
к лихой минуте.
И был доеден бутерброд,
закрыта книга:
пришел назначенный черед
на службу двигать.
Контрастным душем
обожгло
от сей картины.
Но тело встало и пошло...
на зов рутины.

